

А.З. Штейнберг и М.М. Бахтин. К истории идеи диалога

В статье рассматривается малоизвестный эпизод из истории идеи диалога. С 60-х годов прошлого века общепризнан вклад М.М. Бахтина в теорию диалога, который еще в 1929 г. в книге "Проблемы творчества Достоевского" показал диалогический характер и полифонизм творчества Достоевского. Но оказывается еще в 1923 г. А.З. Штейнберг в книге "Система свободы Достоевского" раскрыл в произведениях Достоевского диалектическую систему свободы "с ее диалогической структурой и с живописной ее конкретизацией". Для исследователей творчества Достоевского и теории диалога вопрос: "М.М. Бахтин повторил или А.З. Штейнберг предвосхитил?" оставался неразрешенным. Автор этой статьи обнаружил, что Бахтин

был знаком с книгой Штейнберга, поскольку он с ней анонимно полемирует. Различие концепций диалога у Бахтина и Штейнберга заключается в том, что первый противопоставляет диалог и диалектику, тогда как второй считает, что в подлинных диалогах "господствует симфоническая диалектика".

Ключевые слова: диалог, диалектика, софистика, Достоевский, М. Бахтин, А. Штейнберг, полифония, симфонизм, философия, искусство.

Леонид Столович
профессор Тартуского университета

М.М. Бахтин повторил или А.З. Штейнберг предвосхитил?

Для читателей, даже связанных с гуманитарным знанием, имя Аарона Захаровича Штейнберга (1891-1975) мало знакомо, а для большинства даже совсем неизвестно. В Советском Союзе это имя было предано забвению. Находясь в эмиграции с конца 1922 г., он не был ни сторонником советской власти, ни марксистской версии философии и социализма. До 70-х годов имя А.З. Штейнберга вообще не упоминалось в советской печати. Интерес к нему в СССР возник у исследователей творчества Достоевского в связи с воскрешением имени М.М. Бахтина, книгу которого "Проблемы поэтики Достоевского" вторым, дополненным и переработанным изданием, переиздало во время "оттепели" в 1963 г. издательство "Советский писатель". Первое издание вышло в Ленинграде под наименованием "Проблемы творчества Достоевского" в 1929 г., в год, когда автор был репрессирован. Второе издание книги М.М. Бахтина в 1963 г. и вызвало в памяти книгу А.З. Штейнберга "Система свободы Достоевского", вышедшую в Берлине в 1923 г. в эмигрантском издательстве "Скифы" на основе докладов, которые Штейнберг делал еще в 1921 г. в Петрограде в Вольной Философской Ассоциации (т. н. Вольфиле)¹. А.З. Штейнберг, получив философское и юридическое образование в Гейдельберге, в 1919 г. принимает активное участие в организации и деятельности Вольфилы вместе с Андреем Белым, Александром Блоком, Ивановым Разумником (Р.В. Ивановым), Конст. Эрбергом (К.А. Сюннербергом), А.А. Мейером, К.С. Петровым Водкиным, В.Э. Мейерхольдом. Обладавший высокой философской культурой А. Штейнберг активно участвовал в острых дискуссиях, руководил отделом "чистой философии", делал доклады "Трансцендентальный метод и метафизика", "Время и пространство в философии истории", "Пушкин и Достоевский" и др. Он также читал курс по

метафизике, вел семинар по Канту².

Вершиной философского творчества А.З. Штейнберга, несомненно, является его выше упомянутая книга "Система свободы Достоевского", изданная уже за границами советской России, в Берлине в 1923 г. Книга А.З. Штейнберга привлекла внимание выдающихся русских философов. Н.А. Бердяев отмечал общность книги А.З. Штейнберга со своей книгой "Миросозерцание Достоевского" (Прага, 1923). В обзорной статье "Русская философия последних пятнадцати лет", опубликованной в авторитетном философском журнале "Kantstudien" в 1926 г., С.Л. Франк упомянул "остроумную и ценную в религиозно-философском отношении книгу доктора А. Штейнберга "Система свободы Достоевского"³. Высоко оценивал книгу Штейнберга о Достоевском Л.П. Карсавин, считая ее лучшей книгой о Достоевском. По настоянию Л.П. Карсавина и по рекомендации К. Ясперса и Л. Шестова "Система свободы Достоевского" была переиздана на немецком языке в 1936 г. в Швейцарии⁴. Ф.А. Степун в статье "Миросозерцание Достоевского" книгу Штейнберга, которую он прочел на немецком языке в швейцарском издании, назвал "замечательной"⁵. Парижское издательство YMCA-PRESS в 1980 репринтно переиздало берлинское издание "Система свободы Достоевского". В России публиковались только фрагменты из этой книги и то только в период "гласности". Лишь в 2011 г. эта книга была целиком опубликована в "Философских сочинениях" ее автора⁶.

Интерес к книге А. Штейнберга возрождается, как отмечалось выше, в связи с воскрешением книги М.М. Бахтина о Достоевском⁷. Исследователи обнаружили определенную схожесть между книгами А.З. Штейнберга и М.М. Бахтина, так как и тот, и другой усматривают диалогизм романов Достоевского. Однако вопрос о знакомстве автора "Проблемы творчества Достоевского" с книгой А.З. Штейнберга оставался открытым. Ни

¹ Фридлиндер Г.М. Эстетика Достоевского // Достоевский художник и мыслитель. Сборник статей. М.: "Художественная литература", 1972, с. 160-161. Г.М. Фридлиндер уже и раньше выражал свое несогласие с противопоставлением М. М. Бахтиным монологического и полифонического романа, но при этом имя А.З. Штейнберга как предшественника М. М. Бахтина не упоминалось (см. Фридлиндер. Реализм Достоевского. М. Л.: "Наука", 1964, с.188-189).

² О работе Штейнберга в Вольфиле дает представление статья Андрея Белого "Вольная философская ассоциация", напечатанная в 1-ом номере берлинского журнала "Новая русская книга" за 1922 г.

³ Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: "Наука", 1996, с. 624.

⁴ Steinberg A.S. Die Idee der Freiheit. Ein Dostojewskij - Buch. - Vita Nova Verlag Luzern, 1936.

⁵ См.: Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000, С.643.

⁶ Штейнберг А. З. Философские сочинения. СПб.: Издательство: Мирь, 2011 г. С. 9-156.

⁷ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. Издание второе, переработанное и дополненное. М.: "Советский писатель", 1963. Первое издание книги под названием "Проблемы творчества Достоевского" (Л.: "Прибой", 1929) было переиздано в 1994 г. в издательстве "Алконост" (Москва). В дальнейшем ссылки на первое издание будут даваться по этому переизданию в тексте указанием в скобках ППД и страницы, а на второе издание указанием в скобках ППД и страницы.

в первом издании "Проблем творчества Достоевского", ни в последующих трудах М.М. Бахтина нет никаких ссылок на книгу "Система свободы Достоевского". Это можно объяснить тем, что в 1929 г., названном в "Кратком курсе истории ВКП(б)" "годом великого перелома", ссылка в советском издании на работу эмигранта идеалиста была невозможна.

Об авторе книги "Проблемы творчества Достоевского" существует уже обширная литература, и он с 60-х годов стал всемирно известным мыслителем. Автор же книги "Система свободы Достоевского" до сих пор не известен широкой научной и философской общественности России.

Полемика Бахтина с анонимным оппонентом

Нам представляется, что установить алиби или не-алиби (если воспользоваться бахтинским термином) М.М. Бахтина по отношению концепции творчества Достоевского, предложенной А.З. Штейнбергом, можно только сопоставив тексты их книг. Мы это сейчас и постараемся сделать.

Общезвестно, что оригинальный вклад Бахтина в понимание творчества Достоевского состоял в обосновании диалогичности этого творчества и на этой основе раскрытие диалогических отношений как важнейшей основы гуманитарного мышления. "Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов, действительно, является основной особенностью романов Достоевского. Не множество судеб и жизней в едином объективном мире в свете единого авторского сознания развертывается в его произведениях, но именно множественность равноправных сознаний с их мирами сочетаются здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события. Главные герои Достоевского, действительно, в самом творческом замысле художника не только объекты авторского слова, но и субъекты собственного непосредственно значащего слова", читаем мы в его книге 1929 г. И общий вывод: "Достоевский — творец полифонического романа" (ПТД, 7).

Бахтин, как показывает его письмо М.И. Кагану от 18 января 1922 г. и сообщение в издании "Жизнь искусства" (№ 3 за 1922 г.), к середине 1922 г. написал первый вариант своей книги о Достоевском. Предполагается, что существовал и второй вариант книги. Однако оба эти варианта книги утрачены и судить об их соотношении с текстом книги 1929 г., подготовленным в середине 20-х годов, невозможно. Вместе с тем, изучение творчества Бахтина 20-х годов показывает, что только в книге "Проблемы творчества Достоевского" и в одновременно вышедшей книге В.Н. Волошинова "Марксизм и философия языка", участие Бахтина в создании которой несомненно, понятие диалога обретает категориальный смысл, хотя философские предпосылки для этого понятия можно обнаружить в его рукописях начала середины 20-х годов⁸.

А теперь обратимся к книге А.З. Штейнберга "Система свободы Достоевского", изданной в 1923 г. на основе его докладов в Вольфиле 1921 г. Книга заканчивается словами о том, что Достоевский "учит нас упражняться в философском диалоге с другими и с собою"⁹. И ранее: "он со всей своей страстностью принимается за устройство русского самосознания, за выяснение всех живущих в нем "противоречий". Так создается диалектическая система свободы с ее диалогической структурой и с живописной ее конкретизацией" (ССД, 82), а также "мир самосознания, противостоящий миру абсолютного небытия и с ним сопоставляемый, для того, чтобы между ними был сделан выбор, вот та общая проблема, которая связывает в многообразное единство все диалоги и все события в книгах Достоевско-

го с личными его заявлениями от последнего двадцатилетия его жизни" (ССД, 105).

Как же конкретно Штейнберг представляет диалогическую структуру диалектической системы свободы в творчестве Достоевского? Он в этом отношении сопоставляет Достоевского с Платоном. По его концепции, кардинальный вопрос для всей системы Достоевского в целом "можно выразить так: как знает, говорит ли Достоевский от себя и за себя или за других, раз при выборе средств выражения он почти всегда намеренно останавливался на личине "героев", и притом героев столь различных и враждебных друг другу и почти во всем между собою несогласных? С кем из них сам Достоевский? С Свидригайловым или с Зосимой? с Версиловым ли или с Смердяковым? С Шатовым ли или с Ставрогиным?" (ССД, 34).

Ответом на эти вопросы, как полагает Штейнберг, и может послужить сопоставление Достоевского с Платоном: "На вопрос о Достоевском ответим вопросом о Платоне. Разве не те же великие затруднения встречаются нам и при столкновении с тайной Платона: он-то с кем из своих героев? Всегда ли Сократ, его духовный отец, и тот, кого он сам породил, одно и то же лицо? И всегда ли он сам со своим Сократом, или, быть может, с другими — с Горгием, с Протагором, с Парменидом? И тем не менее Платон есть и он провозвестник своего собственного учения в многолетнем его развитии и во всех его изменениях" (ССД, 34).

Но Штейнберг не только отвечает вопросом на вопрос. Он полагает, что "все герои Достоевского, как и все герои Платона, говорят за него, или, что то же, он всегда говорит за себя. Пусть не пугают нас противоречия. Система есть система систем. Поэтому именно Достоевский и есть систематик, что в мысли его господствует симфоническая диалектика, что движения его мысли ритмические взмахи волшебной палочки дирижера: он, как настоящий дирижер, поворачивается спиной к публике и безмолвно повелевает всему многообразию голосов, из них создавая оркестр и хор. Но Достоевский не только дирижер, он и композитор. Какой у него самого голос: низкий, высокий? Да разве он непременно сам должен превратиться в хориста, исполняющего, наряду со многими другими простыми исполнителями, свое собственное произведение? Его голос — в смене тем и мотивов, в ритме, в инструментровке, в согласном звучании всех голосов; его голос — в стиле и манере целого". И далее: "он мыслит за тех, и за других, и за третьих; он извлекает последние выводы из общих посылок, и он систематизирует все противоборствующие в современности мировоззрения, воплощая их в жизнь, превращая идеи в действующие монады и проследившая судьбу каждой из них в последней ее конкретизации; он, одним словом, создает "мир из миров" и "мыслит мирами, целыми созданиями". В этом его глубочайшая связь с Платоном, но и большое его отличие от всех бывших до него, не исключая и Платона" (ССД, 35). Следует подчеркнуть, что, отмечая философскую общность Достоевского и Платона, Штейнберг на протяжении всей своей книги подчеркивает, что Достоевский действительно русский национальный философ, что "только с Россией и соизмерим Достоевский, только с Достоевским соизмерима и она" (ССД, 10), что Достоевский великий систематик "мысли и самосознания русского" (ССД, 19).

Как выше отмечалось, для Штейнберга установление связи Достоевского с Платоном носит принципиальный характер. Оно не исчерпывается только обнаружением диалогической структуры произведений великого русского романиста и великого древнегреческого философа, хотя и это существенно для понимания Достоевского. "Связь Достоевского с Платоном го-

⁸ См. Бройтман С.Н. "Диалог" и "монолог" — становление категорий (от "К философии поступка" к "Марксизму и философии языка" // Бахтинский тезаурус. Материалы и исследования. Сб. статей. М., 1997. С.149-163.

⁹ Штейнберг А.З. Система свободы Достоевского. Берлин: "Скифы", 1923. Цитируется по переизданию: Paris: YMCA-PRESS, 1980. С. 144. В дальнейшем ссылки на эту книгу будут даваться в тексте указанием в скобках ССД и страницы. .

раздо глубже, чем это может показаться на первый взгляд", отмечает автор "Системы свободы Достоевского" (ССД, 31). Эта связь устанавливается им даже вне зависимости от того, "знал или не знал Достоевский Платона по его литературному наследию", хотя известно, что собрание сочинений Платона было у него под рукой в последние годы жизни. Штейнберг убежден в том, что "система свободы Достоевского только в том случае и может быть названа системой, если ее учение о задачах сознания покоится на метафизическом учении об идеях" (ССД, 32). Прав или не прав Штейнберг — это другой вопрос. Но таковым было его убеждение, высказанное еще в докладе "Достоевский как философ" на собрании Вольфила 16 октября 1921 г.

Итак, мы видим несомненную общность между важнейшими для Бахтина идеями диалогичности и полифоничности, имеющимися в книгах "Проблемы творчества Достоевского" (1929) и "Система свободы Достоевского" (1923). Знал ли Бахтин книгу Штейнберга? Как нам представляется, об этом мы можем судить с определенной долей вероятности не столько по тому, что сближало их теоретические позиции, сколько по тому, что их разделяло.

Если Штейнберг подчеркивает единство Достоевского и Платона не только по их философским воззрениям, но и в диалогичности их произведений, то Бахтин их противопоставляет: "Самое сопоставление диалогов Достоевского с диалогом Платона кажется нам вообще несущественным и непродуктивным, ибо диалог Достоевского вовсе не чисто познавательный, философский диалог. Существенней сопоставление его с библейским и евангельским диалогом. Влияние диалога Иова и некоторых евангельских диалогов на Достоевского неоспоримо, между тем как платоновские диалоги лежали просто вне сферы его интереса" (ПТД, 170). Мы сейчас оставляем в стороне вопрос, кто прав, Бахтин или Штейнберг. Вместе с тем, мы полагаем, что Бахтин полемизирует именно со Штейнбергом и, следовательно, был знаком с его книгой.

Правда, выше автор книги "Проблемы творчества Достоевского" в примечании к утверждению о том, что "в сущности идеализм знает <...> только педагогический диалог", делает оговорку как раз в отношении Платона: "Идеализм Платона не чисто монологистичен. Чистым монологом он становится лишь в неокантианской интерпретации. Платоновский диалог также не педагогического типа, хотя монологизм и силен в нем". И далее следует возражение против того, что философский диалог у Достоевского "обычно определяется (например, Гроссманом) как диалог платоновского типа" (ПТД, 55).

Здесь, как мы видим, назван и сторонник, хотя и не единственный ("например"), определения философского диалога у Достоевского как диалога "платоновского типа" Гроссман. Действительно, в книге Леонида Гроссмана "Поэтика Достоевского", на которую несколько раз ссылается Бахтин, есть такое высказывание: "Роман Достоевского это философский диалог, раздвинутый в эпопею приключений, это Федон в центре "Парижских тайн" или смешение Платона с Эженом Сю"¹⁰. Правда, Бахтин сам одобрительно цитирует из этой же книги слова Л. Гроссмана о том, что "питает страницы" Достоевского также "книга Иова, Откровение св. Иоанна, евангельские тексты" наряду с "газетой, анекдотом, пародией, уличной сценой" и т. п. Однако вполне приемлемая для Бахтина мысль о том, что произведения Достоевского это "философский диалог" и оспариваемая им мысль о том, что этот философский диалог "диалог платоновского типа", за 2 года до Гроссмана была высказана Штейнбергом, с которым, в отличие от Гроссмана, Бахтин не имел возможности открыто вести полемику.

Справедливости ради, следует отметить, что во втором издании своей книги о Достоевском Бахтин пересмотрел свое

отношение к диалогу платоновского типа. Он здесь достаточно подробно рассматривает "сократический диалог", в частности у Платона (см.: ПТД, 146-150), и приходит к выводу, что "сократический диалог" как жанр является "одним из начал той линии развития европейской художественной прозы и романа, которая ведет к творчеству Достоевского" (ПТД, 150).

Но для Бахтина был и остался неприемлем диалектический подход к творчеству Достоевского, который как раз в высшей степени характерен для Штейнберга. Последний диалектику понимает в гераклитовском и гегелевском смысле как учение о развитии в его противоречиях: понимание бытия и небытия Достоевским находится "в полном согласии с заветами диалектического гераклитизма" (ССД, 104). Притом Штейнберг убежденный диалектик в духе Гегеля и Герцена — отдает себе отчет в том, что сама диалектика может вырождаться в "софистическую, дурную диалектику" в духе Смердякова (ССД, 119-120).

У Бахтина совершенно иное понимание диалектики, чем у Штейнберга, и иное к ней отношение. Что касается непосредственно Достоевского, то Бахтин в начале книги "Проблемы творчества Достоевского" констатирует: "И диалектика и антиномика, действительно, наличны в мире Достоевского. Мысль его героев, действительно, диалектична и иногда антиномична". Однако, "даже в пределах отдельных сознаний диалектический или антиномический ряд — лишь абстрактный момент, неразрывно сплетенный с другими моментами цельного конкретного сознания" (ПТД, 10). "Поэтому-то, продолжает он, все большие монографии о Достоевском, созданные на пути философской монологизации его творчества, так мало дают для понимания формулированной нами структурной особенности его художественного мира" (ПТД, 10-11). Непосредственно Бахтин полемизирует со статьей Б.М. Энгельгардта "Идеологический роман Достоевского"¹¹, в которой основные планы и темы у Достоевского представляют, по изложению Бахтина, "отдельные этапы диалектического развития духа" и потому образуют "единый путь" (ПТД, 27).

В развитии своей мысли Бахтин рассуждает следующим образом: "Б. М. Энгельгардт, в конце концов, так же как и его предшественники, монологизирует мир Достоевского, сводит его к философскому монологу, развивающемуся диалектически. Гегелиански понятый единый, диалектически становящийся дух ничего, кроме философского монолога, породить не может. Менее всего на почве монистического идеализма может расцвести множественность неслиянных сознаний. В этом смысле единый становящийся дух, даже как образ, органически чужд Достоевскому. Мир Достоевского глубоко плюралистичен. Если уж искать для него образ, к которому как бы тяготеет весь этот мир, образ в духе мировоззрения самого Достоевского, то таким является церковь, как общение неслиянных душ, где сойдутся и грешники, и праведники; или, может быть, образ дантовского мира, где многопланность переносится в вечность, где есть нераскаянные и раскаявшиеся, осужденные и спасенные. Такой образ — в стиле самого Достоевского, точнее его идеологии, между тем как образ единого духа глубоко чужд ему" (ПТД, 29-30).

Как мы видим по оговоркам Бахтина, он полемизирует не только с Энгельгардтом. Он имеет в виду "все большие монографии о Достоевском, созданные на пути философской монологизации его творчества" (ПТД, 10. Курсив наш), не только самого Энгельгардта, но "и его предшественников" (ПТД, 29). Относится ли к ним Штейнберг? По существу — несомненно. А вот, на наш взгляд, и текстуальное подтверждение этого.

Сравним только что процитированный отрывок из книги Бахтина со следующим высказыванием Штейнберга: "Платон

¹⁰ Гроссман Л.П. Поэтика Достоевского. М., 1925. С. 63.

¹¹ Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. II. Л., М., 1924.

писал диалоги, в которых спорили, совместно отыскивая истину, все мировоззрения начавшей разлагаться эллинской культуры; Данте собрал в одно божественное целое всех грешников и всех святых христианского мира; Достоевский написал книги, в которых и святые, и грешники нашего мира спорят между собою, как философы древней Эллады. Платон связал навсегда историю Запада с проблемой эллинской науки; Данте завещал идеал христианской церковности светской современности; Достоевский спасает гибнущее возрождение для грядущей культуры, которую призвана породить проснувшаяся Россия. Но в отличие от Данте и Платона он знает, что его сознание есть сознание эпохи кризиса и перелома; они же строили мосты, в своей наивности и не подозревая, над какими безднами пролегал их путь: такая беспредельная сознательность еще больше, чем с Платоном, сближает Достоевского с ветхозаветными пророками" (ССД, 29).

Как и Штейнберг, Бахтин сравнивает творчество Достоевского с церковью и Данте, где "сойдутся и грешники, и праведники", "где есть нераскаянные и раскаявшиеся, осужденные и спасенные" (Бахтин). "Достоевский, по словам Штейнберга, написал книги, в которых и святые, и грешники нашего мира спорят между собою", а "Данте завещал идеал христианской церковности светской современности".

Цель этого сопоставления текстов Бахтина и Штейнберга состоит не в том, чтобы уличить Бахтина в заимствовании. Бахтин не имел возможности по политическим причинам даже научно полемировать с эмигрантом, откровенным идеалистом и антисоветчиком. Он и свою собственную книгу не мог писать вполне свободно. Так что переиздание первого издания "Проблемы творчества Достоевского" в серии "Бахтин под маской", хотя этой маской был сам Бахтин, а не Волошин или Медведев, имеет свой смысл¹². Эти совпадения в книгах Бахтина и Штейнберга — диалогизм Достоевского, сравнение его творчества с церковью и Данте, с музыкальной полифонией (у Штейнберга — с симфонией) — это та "общая территория", на которой шло "сражение" принципов, происходила научная полемика, если угодно, диалог различных воззрений на творчество Достоевского, и на соотношение диалога и диалектики, на сущность самой диалектики.

Диалог и диалектика

В иных условиях, не "на этой безблагодатной почве под этим несвободным небом" (слова М.М. Бахтина, сказанные в разговоре с С.Г. Бочаровым¹³) Бахтин бы прямо полемировал со Штейнбергом, как с Гроссманом или Энгельгардтом, что-то принимая, что-то отвергая в соответствии со своим миропониманием. Реставрация же по имеющимся текстам этого непрямого диалога, на наш взгляд, показывает, что и диалогизм Достоевского, и полифоническое единство его произведений они трактовали по-разному. Ведь дело не просто в том, кто первый сказал "Э", Петр Иванович Бобчинский или Петр Иванович Добчинский. Как известно, Бахтин не открыл диалогические отношения, даже диалог у Достоевского (об этом до не-

го писал не только Штейнберг, но и Гроссман. См. ПТД, 18-19) и полифонизм его творчества (об этом писал до него В. Комарович. См. ПТД, 23, 29¹⁴). Свообразие Бахтина заключается в том, как он понимает диалогические отношения и диалогизм, полифонизм художественного творчества. Так, если для Штейнберга несомненна "диалектическая система свободы с ее диалогической структурой" (ССД, 82), т.е. диалогизм есть конкретное проявление диалектики, то для Бахтина "в корне ошибочно утверждение, что диалоги Достоевского диалектичны" (ПТД, 170).

Подтверждением этого соображения об отличии понимания диалога Штейнбергом и Бахтиным, является отклик Штейнберга на книгу Бахтина. В своих опубликованных трудах Штейнберг нигде не упоминает Бахтина. Его имени нет в английской книге Штейнберга о Достоевском "Dostoevsky", вышедшей в 1966 г. Но исследовательница архива Штейнберга в Иерусалиме Нелли Портнова обнаружила краткий отклик Штейнберга на книгу Бахтина. В письме к Фанни Каплан от 14 апреля 1965 Штейнберг писал: "С Бахтиным я в свое время ознакомился, но лишь по первому изданию его книги. Мне тогда показалось, что он утрирует по существу верную мысль (если Вам не лень, то взгляните на то, что сказано в моей петербургской работе на стр. 35 о "симфонической диалектике Д-го", но может быть, теперь это у него умереннее). В сжатой последней работе не было возможности входить в разбор иных взглядов, но я в заключительной главе отдал дань новейшей разработке "эстетики" Д-го в России"¹⁵.

Обратимся к 35-ой странице книги "Система свободы Достоевского":

"В первую очередь следует обратить внимание на то, что у Достоевского, как и у Платона, как и у каждого систематика, своя терминология. Со временем мы будем иметь полный словарь Достоевского, охватывающий все, высказанное им, но уже и в этой главе, на одном исследовании термина "идеи" у Достоевского, мы сумеем в этом убедиться. Другие примеры — впереди.

Во-вторых, следует иметь и виду, что все герои Достоевского, как и все герои Платона, говорят за него, или, что тоже, он всегда говорит за себя. Пусть не пугают нас противоречия. Система есть система систем. Потому именно Достоевский и есть систематик, что в мысли его господствует симфоническая диалектика, что движения его мысли — ритмические взмахи волшебной палочки дирижера: он, как настоящий дирижер, поворачивается спиной к публике и безмолвно повелевает всему многообразию голосов, из них создавая оркестр и хор. Но Достоевский не только дирижер, он и композитор. Какой у него самого голос: низкий, высокий? Да разве он непременно сам должен превратиться в хориста, исполняющего, наряду со многими другими простыми исполнителями, свое собственное произведение? Его голос — в смелом тем и мотивах, в ритме в инструментировке, в согласном звучании всех голосов: его голос — в стиле и манере целого. Он заставляет позитивизм развиваться до Смердяковщины,

¹² По воспоминаниям С.Г. Бочарова, Бахтин в разговоре с ним 9 июня 1970 г. признавался, что "не мог говорить о главных вопросах", о вопросах "философских. О том, чем мучился Достоевский всю жизнь — существованием Божиим". И далее: "Мне ведь там приходилось все время влиять — туда и обратно. Приходилось за руку себя держать. Только мысль пошла — и надо ее останавливать. Туда и обратно" (Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 71-72).

¹³ Там же. С. 71.

¹⁴ По словам В. Комаровича, роман Достоевского "Подросток" "может быть уподоблен художественному целому в полифонической музыке" (Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под редакцией А.С. Долинина. Сб. второй. Л.; М.: "Мысль", 1924. С. 67).

¹⁵ Цитирую по письму Нелли Портновой к автору этих строк от 18.02.2006. Выражаю сердечную благодарность Нелли Портновой за столь ценную находку и информацию о ней. В письме от 20.02.2006 она дала следующую справку о личности корреспондентки А. Штейнберга: "Фанни (Фаня) Каплан (урожд. Чудновская) - жена Семена Наумовича Каплана, однокашника Ш. по Гейдельбергу, с которым он дружил с тех пор, философ, проф. в Аннаполиском колледже, перевел на англ. язык "Религию разума" Г.Когена (А.Ш. помогал редактировать и способствовал финансированию издания через правление ВЕКА [Всемирного Еврейского конгресса. - Л.С.]. С самой Фанни А.З. познакомился в Петрограде, <...> Фанни работала в библиотеке того же колледжа, что и муж, и снабжала А.Ш. всякими материалами и книгами для его последних работ о Достоевском и мемуаров. Фанни была в курсе всех творческих и личных обстоятельств жизни Ш., - в большей степени, чем ее муж". Отзыв А. Штейнберга о книге М. Бахтина опубликован во вступительной статье Н. Портновой и В. Хазана ко второму изданию воспоминаний Штейнберга: Штейнберг А.З. Литературный архипелаг. М., 2009. С. 15.

субъективный идеализм — до преступления и "бунта", он заставляет коллективизм говорить языком Шигалевщины, а христианство — воплотиться и в безоружное рыцарство: он мыслит за тех, и за других, и за третьих; он извлекает последние выводы из общих посылок, и он систематизирует все противоборствующие в современности мировоззрения, воплощая их в жизнь, превращая идеи в действующие монады и прослеживая судьбу каждой из них в последней ее конкретизации, он, одним словом, создает "мир из миров" и "мыслит мирами, целыми созданиями". В этом его глубочайшая связь с Платоном, но и большое его отличие от всех бывших до него, не исключая и Платона.

Здесь, действительно, очень точно обозначена позиция Штейнберга в отличие от концепции Бахтина, который как раз отрицает связь Достоевского с Платоном: "Самое сопоставление диалогов Достоевского с диалогом Платона кажется нам вообще несущественным и непродуктивным", ибо "монолизм и силен в нем".

Далее, Штейнберг, как мне представляется, проводит различие между "*симфонической диалектикой*", господствующей в мысли Достоевского, и концепцией Бахтина, по которой "*множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов, действительно, является основной особенностью романов Достоевского*". Не множество судеб и жизней в едином объективном мире в свете единого авторского сознания разворачивается в его произведениях, но именно *множественность равноправных сознаний* с их мирами сочетаются здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события. Главные герои Достоевского, действительно, в самом творческом замысле художника *не только объекты авторского слова, но и субъекты собственного непосредственно значащего слова*" (ППД, 7). Эту же концепцию Бахтин воспроизводит и во втором издании своей книги 1963 г. (ППД, 7).

Если, по Бахтину, главные герои Достоевского обладают самостоятельным бытием, наряду с автором, то, по Штейнбергу, "Достоевский не только дирижер, он и композитор". Да разве он непременно сам должен превратиться в хориста, исполняющего наряду со многими другими простыми исполнителями, свое собственное произведение?" — спрашивает он риторически. И вот ответ на этот вопрос: "он систематизирует все противоборствующие в современности мировоззрения, воплощая их в жизнь, превращая идеи в действующие монады и прослеживая судьбу каждой из них в последней ее конкретизации, он, одним словом, создает "мир из миров" и "мыслит мирами, целыми созданиями". Для Бахтина это означает превращение "полифонического романа", образуемого диалогами персонажей и автора, в "монологическое" образование. С точки же зрения Штейнберга между *диалогичностью* романов Достоевского и тем, что он создает "мир из миров" и "мыслит мирами, целыми созданиями", действительно существует противоречие: "Пусть не пугают нас противоречия. Система есть система систем", но это *диалектическое* противоречие и есть "симфоническая диалектика".

Утверждение диалогизма Достоевского присуще и Штейнбергу, и Бахтину. (В какой мере первый подсказал эту мысль второму, судить не берусь, хотя приоритет Штейнберга очевиден.) Поэтому-то Штейнберг в цитированном письме полагает, что Бахтин в своей книге о Достоевском проводит "по существу верную мысль". Но с точки зрения Штейнберга, Бахтин эту

"по существу верную мысль" "утрирует", т. е. уравнивает автора со своими персонажами, вместо того, чтобы рассматривать все виды диалогов как проявление "симфонической диалектики".

Со своей стороны, как уже отмечалось, Бахтин считал несомненным *диалог* и *диалектику*, ибо он ставил знак равенства между *диалектикой* и *монологизмом*.

Проблема соотношения *диалога* и *диалектики* была четко поставлена М.М. Бахтиным, для которого понятие "диалог" ключевое в его философских воззрениях. По словам В.С. Библера, "для Бахтина "диалог" — корень и основание *всех иных* определений человеческого бытия, бытия, обращенного к "Ты"; бытия, только в таком обращении и существующего". И одновременно бахтинский диалогизм — "коренная форма понимания личности и сути гуманитарного мышления"¹⁶.

Каково же было отношение Бахтина к такому важному методологическому течению мировой философской мысли, как диалектика не только в связи с творчеством Достоевского? Известно, что слова "диалог" и "диалектика" родственны. "Диалектика" происходит от греческого (веду беседу, рассуждаю) и означало первоначально искусство вести беседу, т. е. диалог. Однако, по мнению Бахтина, "диалектика родилась из диалога, чтобы снова вернуться к диалогу на высшем уровне (диалогу личностей)". С его точки зрения, "диалектика абстрактный продукт диалога". В бахтинских записях начала 70-х годов можно прочесть: "Диалог и диалектика. В диалоге снимаются голоса (раздел голосов), снимаются интонации (эмоционально-личностные), из живых слов и реплик вылуциваются абстрактные понятия и суждения, все втискивается в одно абстрактное сознание и так получается диалектика"¹⁷.

Поэтому Бахтин считал, что диалектика, в отличие от диалога, *монологична*. По его определению, монолог — "речь, никому не адресованная и не предполагающая ответа". Правда, "возможны разные степени монологичности"¹⁸. Но все же отличие монолога от диалога для Бахтина принципиально: "Диалог обнимает <?> высказывания по крайней мере двух субъектов, но связанных между собой диалогическими отношениями, знающих друг о друге, отвечающих друг другу, и эта связь (отношение друг к другу) отражается в каждой реплике диалога, определяет реплику", в то время как "*монологизм* в пределе отрицает наличие вне себя другого равноправного и ответно-равноправного сознания, другого равноправного "я" ("ты"). При монологическом подходе (в предельном или чистом виде) "другой" всецело остается только *объектом* сознания, а не другим сознанием. От него не ждут такого ответа, который мог бы все изменить в мире моего сознания. Монолог завершен и глух к чужому ответу, не ждет его и не признает за ним решающей силы. Монолог обходится без другого и потому в какой-то мере овеществляет всю действительность. Монолог претендует быть последним словом. Он закрывает изображенный мир и изображенных людей"¹⁹.

Монологизм — это, по Бахтину, "первородный грех" диалектики, и он его обнаруживает в учении крупнейшего диалектика Нового времени — у Гегеля. В книге о Достоевском Бахтин противопоставляет свой диалогический полифонизм гегелевской диалектике: "ни в одном из романов Достоевского нет диалектического становления единого духа..." (ППД, 35). "Монологическая диалектика Гегеля", по убеждению Бахтина, превращает "диалог в один сплошной текст", стирает "говорящих субъектов"²⁰. По воспоминанию его собеседника, Бахтин говорил в 1971 г.: "Диалектика гегелевского типа — ведь это об-

¹⁶ Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин или поэтика культуры. М., 1991. С. 27, 98.

¹⁷ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 364, 318, 352. В беседе с В.Д. Дувакиным М.М. Бахтин говорил: "я придерживаюсь такого взгляда, что диалектика родилась из диалога, а потом диалектика снова уступает место диалогу, но уже диалогу на высшем уровне, на более высоком уровне" (Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М., 1996. С. 240).

¹⁸ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 296.

¹⁹ Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. М., 1996. С. 209-210, 350-351.

²⁰ Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. С. 364.

ман. Тезис не знает, что его снимает антитезис, а дурак-синтез не знает, что в нем снято"²¹.

Для историко-философского осмысления проблемы "диалог и диалектика" обратимся к античной философии. Что же представляла собой античная диалектика, которая действительно родилась из диалога? Превратила ли она диалог в монолог? Если, согласно Бахтину, "монолог завершён и глух к чужому ответу, не ждёт его и не признаёт за ним решающей силы", то, мы полагаем, диалектика в античности не может рассматриваться как переход диалога в монолог. В "Государстве" Платона дается следующая характеристика того, что "наш разум достигает с помощью диалектической способности": "Свои предположения он не выдает за нечто изначальное, напротив, они для него только предположения, как таковые, то есть некие подступы и устремления к началу всего, которое уже не предположительно"²². Это означает, что диалектика не решает познавательную задачу с уже готовым ответом, но в диалоге, т. е. в отношении с "другим", с участием, говоря словами Бахтина, "его равноправного и ответно-равноправного сознания, другого равноправного "я" ("ты")", ведется поиск истины.

На этот аспект платоновской диалектики прозорливо обратил внимание Гадамер. Еще в своей докторской диссертации "Диалектическая этика Платона", опубликованной в 1931 г., он обосновывал мысль о том, что "теория диалектики определенно привлекается в качестве обоснования возможности подлинного диалогического взаимопонимания"²³. В "Истине и методе" Гадамер развивает эту мысль: "Искусство диалектики не есть искусство выдвигать победоносные аргументы, опровергая всех и каждого"; "искусство диалектики, то есть искусство вопрошания и искания истины", "доказывает себя лишь тем, что тот, кто умеет спрашивать, держится за свое спрашивание, то есть удерживает свою направленность в открытое. Искусство вопрошания есть искусство спрашивания-дальше, то есть искусство мышления. Оно называется диалектикой, потому что является искусством ведения подлинного разговора"²⁴.

Знаменитое сократовская формула "Я знаю, что я ничего не знаю" не просто ироническая уловка, тактическая хитрость в полемике, но условие подлинного диалектического диалога. Тот, кто уже знает всё, не нуждается в диалоге, он способен только на монолог, который не стремится к поиску истины. Она ведь, как он убежден, уже ему известна и его цель убедить в ней собеседника. Гадамер справедливо отмечает, что "тот, кто в своих речах стремится лишь оказаться правым, а вовсе не проникнуть в суть дела", не способен к диалектическому диалогу, ибо "тот, кто полагает, что он все знает лучше, вообще не способен спрашивать. Чтобы быть в состоянии спрашивать, следует хотеть знать, то есть знать о своем незнании"²⁵. Именно на этом основана идущая от античной диалектики поговорка: "В спорах рождается истина". Именно *рождается*.

Не противоречит ли сказанное выше характеру самих платоновских диалогов, в которых нередко Сократ, и только он, прозревает истину и иронически потешается над недалекими собеседниками, часто ему только поддакивающими? Л.М. Баткин полагает, что "нет ничего более монологичного, чем платоновский диалог", но в то же время он справедливо утверждает, что "мысль Сократа *внутренне* диалогична, его монологизм это спор с самим собой" и потому "мысль Сократа развивается"²⁶. М.М. Бахтин в первом издании своей книги о Достоев-

ском противопоставляет диалог в его романах платоновскому диалогу, считая в корне ошибочным утверждение, "что диалоги Достоевского диалектичны". "Этим диалог Достоевского, по мнению автора книги "Проблемы творчества Достоевского", отличается от платоновского диалога. В этом последнем, хотя он и не является сплошь монологизованным, педагогическим диалогом все же множественность голосов погашается в идее"²⁷. Следовательно, по М.М. Бахтину, платоновский диалог диалектичен в меру своей монологичности и тем отличен от недиалектичных диалогов Достоевского. На наш взгляд, дело обстоит как раз наоборот. *Диалектика Платона в его собственной трактовке наиболее ярко проявляется как раз там, где диалогическая форма его произведений не является монологом автора.*

Нельзя не иметь в виду, что платоновский диалог, в отличие от живого диалога самого Сократа, который, как известно, не писал, это диалог, опредмеченный в литературном тексте, целенаправленно и потому подчас монологически развивающий определенную идею. Как заметил Гегель, "в печатном диалоге ответы всецело в руках автора", тогда как "обычно в диалогах выдвигается отвечающим другая точка зрения, чтобы проявить также и себя"²⁸. Вместе с тем Гегель отмечает, что "Платон в своих диалогах не говорит от собственного лица, а вводит Сократа и многих других участников бесед, относительно которых не всегда знаешь, кто же, собственно, излагает мнение самого Платона", и "мы так же мало видим в его диалогах излагающего автора, как в истории Фукидида или у Гомера"²⁹.

Итак, диалектика в первоначальном античном своем значении, возникнув из диалога, не превратилась в его противоположность, в монолог. Античная диалектика представляет собой *методиалог*, т. е. диалог о диалоге, учение и искусство вести диалог.

Заслуга Гегеля и состоит в том, что он онтологизировал диалектику, усмотрел ее в "самом предмете рассмотрения", в объективном мире, вещественном, духовном и душевном ("чувство, как физическое, так и душевное, также имеет свою диалектику"³⁰). Однако есть основание предположить, что сам термин "диалектика" уже в гегелевском смысле не случайно взят был из античной философии. Ведь для Гегеля, как, впрочем, и для Канта, суть диалектики в противоречиях, субъективных (по Канту) и объективных (по Гегелю), поскольку "*все вещи противоречивы в самих себе*", и поэтому постигаемы диалектическим методом как единство противоположностей. Диалог ведь и представляет собой комплекс различных противоречий между субъектами. *Диалог, искусство ведения которого Платон назвал диалектикой, являлся наглядной моделью единства противоположностей. Платоновская диалектика была диалогичной, а диалог диалектичен.* В процессе диалектического диалога понятия обнаруживали свою противоречивость, способность переходить в свою противоположность. Диалектика и в современном ее значении почерпнула саму идею противоречия из диалога и вынесла ее за пределы взаимоотношения двух субъектов в развитие объективного мира, как бы его не понимать.

Но правомерно ли действительно монологическое изложение Гегелем своего диалектического метода отождествлять с диалектикой вообще? Объективная диалектика отнюдь не "монологична". Если угодно, она всецело "диалогична", потому что

²¹ Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него. С. 88.

²² Платон. Соч.: в 3 т. Т. 3, часть 1. М., 1971. С. 319.

²³ Гадамер Ханс Георг. Диалектическая этика Платона. Феноменологическая интерпретация "Филеба". СПб., 2000. С. 130.

²⁴ Гадамер Х-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 431.

²⁵ Там же. С. 427.

²⁶ Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978. С. 175-176.

²⁷ Бахтин М.М. Из книги "Проблемы творчества Достоевского" // Эстетика словесного творчества. С. 185, 186.

²⁸ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. СПб., 1994. С. 47.

²⁹ Там же. С. 124, 127.

³⁰ Гегель. Соч. Т. I. Энциклопедия философских наук. Ч. 1. Логика. М.; Л. 1930. С. 138.

соткана из противоречий. Монологичным может быть то или иное *изложение* диалектики, будь то Гегелем или марксизмом. Фейербах критиковал гегелевскую диалектику за ее монологизм, но не отождествлял с монологизмом диалектику как таковую, когда писал в "Основных положениях философии будущего": "*Истинная диалектика не есть монолог одинокого мыслителя с самим собою, это диалог между Я и Ты*"³¹. Монологичным является изложение любой философии, в том числе и философии диалога.

Философия диалога проявилась в нескольких вариантах. Это капитальный труд о диалоге немецкого филолога Рудольфа Гирцеля³². Это и диалогическая антропология Мартина Бубера, в 1923 г. опубликовавшего трактат-эссе "Я и Ты", а в 1930 г. произведение "Диалог". Это и "философия коммуникации" Карла Ясперса. Одна из важнейших проблем, вставшей перед русскими кантианцами А.И. Введенским и И.И. Лапшиным, была проблема, как возможно постижение "чужого Я".

М.М. Бахтин, не повторяя какую-либо концепцию бытия и диалога в зарубежной и русской философии, вступая с ними в диалогические отношения, создает свою философию универсального диалога. Эта философия была разработана им на материале творчества Достоевского.

Он характеризует взаимоотношение людей именно как *диалог*. По словам Бахтина, "романы Достоевского сплошь диалогичны" (ППД, 357). "Достоевский, как он отмечал, обладал гениальным даром слышать диалог своей эпохи или, точнее, слышать свою эпоху как великий диалог, улавливать в ней не только отдельные голоса, но прежде всего именно *диалогические отношения* между голосами, их диалогическое *взаимодействие*" (ППД, 119). На материале произведений русского романиста Бахтин формулирует философскую теорию диалогического отношения вообще: "Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться" (ППД, 338).

Как мы видели, творчество Достоевского как модель диалога выступает и в книге Штейнберга. Существенное различие между авторами "Система свободы Достоевского" и "Проблемы творчества Достоевского" заключалось в самом понимании диалога, различие, вполне осознаваемое как Бахтиным, так и Штейнбергом. Оно заключалось, прежде всего, в том, что Бахтин *противопоставлял диалог диалектике*, усматривая в ней неизбежный монологизм, тогда как Штейнберг видел в *диалоге проявление диалектики*.

Анонимная полемика Бахтина со Штейнбергом относительно соотношения диалогов у Достоевского, да и вообще диалога, с диалектикой, как и всё в мире, имеет свое основание. Ведь само противопоставление Бахтиным диалога и диалектики как диалогизма и монологизма было обаяно в определенной мере также "этой безблагодатной почве под этим несвободным небом". Бахтину (и его в этом можно понять) претил монологизм господствующей идеологии, спекулировавшей диалектикой, во многом заимствованной у Гегеля. Отсюда его нетерпимость к диалектическому монологизму и монологическому диалектизму, настаивание на диалоге "*самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний*", на полифоническом плюрализме, который был не только художественным идеалом Бахтина, но и социальным демократическим идеалом. В этом смысле философия Бахтина действительно антитоталитарна, что является одним из источников

ее притягательной силы³³.

Восприятие Штейнбергом диалектики вообще и Гегеля, в частности, не было опосредовано марксизмом. Для него не только Гегель, но и Гераклит, и Платон — тоже диалектики. По Штейнбергу, диалектика — это то, что связывает диалогичность Достоевского с *диалогичностью* Платона. Да и самого Гегеля Штейнберг воспринимает через Герцена, в отличие от Бахтина, который в Гегеле видит только предшественника марксизма.

У марксистов, особенно советского периода, диалектика часто оборачивалась *софистикой*, использующей диалектическую гибкость мышления для монологического-непререкаемого доказательства, что черное есть белое и наоборот. Возможно, что такого рода злоупотребление диалектикой было одним из оснований отрицательного отношения к ней Бахтина. Однако для Штейнберга, критически относившегося к марксизму, это не было основанием для отвержения диалектики. Ведь еще Сократ, Платон и Аристотель четко различали диалектический диалог от софистического. Гегель также принципиально противопоставлял диалектику софистике. Как отмечалось, Штейнберг в своей книге о Достоевском призывал вырвать из рук дьявола "его диалектическую шпагу", т.е. софистику.

При всей социально-психологической обоснованности неприятия Бахтиным диалектики, учитывая опыт историко-философского развития, из двух концепций диалога в его соотношении с диалектикой — штейнбергской и бахтинской, автор этой работы присоединяется к первой. Я полагаю, что диалектическое мышление, истоки которого восходят к античной философии, как, впрочем, и к другим древнейшим философским культурам, которое имеет свою поучительную историю в философии Возрождения и Нового времени, в том числе и в России. Вспомним, что последняя книга А.Ф. Лосева — последнего классика русской философии, отнюдь не являвшегося марксистом, — называется "Страсть к диалектике"³⁴.

История диалектики включает в себя противостояние софистике, начиная от диалогов Сократа с софистами и включая борьбу с советской "диалектической" идеологией, ставшей идейно-методологическим оплотом тоталитаризма. В обсуждении этой проблемы, на наш взгляд, должен быть принят во внимание пример Штейнберга, утверждавшего "систему свободы" как "диалектику свободы", "диалектическую систему свободы с ее диалогической структурой" и "симфоническую диалектику", призывавшего вырвать из рук дьявола "его диалектическую шпагу".

Безусловно заслуженный авторитет Бахтина является подчас основанием для пренебрежительного отношения к диалектике, поскольку выдающийся русский мыслитель отрицательно воспринимал марксизм и Гегеля как его важнейшего теоретического предшественника. В этой связи следует не забывать, что диалектика не может рассматриваться как монополия какой-либо одной философской системы.

Философия и искусство

Идея диалога, раскрытая на материале творчества Достоевского не была случайной ни для Штейнберга, ни для Бахтина. Свообразным трамплином в развитии их философских воззрений было неокантианство. От неокантианства они двигались в схожем направлении. Штейнберг сочетал свой диалектический реализм с тягой к экзистенциализму и персонализ-

³¹ Фейербах Людвиг. Избранные философские произведения: В 2 т. Т. I. М., 1955. С. 203.

³² Hirzel R. Der Dialog. Ein literaturhistorische Versuch. T. 1-2. Leipzig, 1895.

³³ Мы поэтому ни в коем случае не можем согласиться с пафосом статьи Бориса Гройса "Тоталитарный карнавал", вне зависимости от принятия или неприятия бахтинской трактовки самого карнавала, суть концепции которой выражен в названии немецкого варианта этой статьи: "Карнавал жестокости. Эстетическое оправдание" сталинизма Михаилом Бахтиным" (см. Бахтинский сборник III. М., 1997. С. 76-80).

³⁴ Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. Литературные размышления философа. М., 1990.

му³⁵. Бахтин исходил из своеобразной философии *существования, экзистенциальной философии*, притом в ее *личностном, персоналистическом варианте*³⁶. Признавая самоценность человеческой личности в ее субъективном самосознании, оба философа не могли не прийти к идее диалога как связующего звена между личностями, как в жизни, так и в искусстве. Творчество Достоевского и стало той моделью диалога, концепцию которой по-своему разработали авторы "Система свободы Достоевского" и "Проблемы творчества Достоевского".

На мой взгляд, Штейнберг философски основательнее трактует диалог, рассматривая его как проявление диалектических закономерностей, тогда как Бахтин, сознательно противопоставляя диалог и диалектику, неправомерно трактуемую как антидиалог — монолог. Из этого не следует делать вывод об общем превосходстве философских воззрений того или другого мыслителя. За границами нашего исследования остались многие философские, в том числе, этические проблемы, и Штейнберга, и Бахтина, который внес существенный вклад в теорию ценности, не говоря уже о разработанных им культурологических и литературоведческих вопросах.

Отметим, что у Штейнберга и Бахтина была определенная общность эстетических воззрений — их неприятие так называемой "формальной школы" в литературоведении. Бахтин, как известно, был противником формалистической эстетики, которую он называл "материальной эстетикой". Не был сторонником "формального метода" и Штейнберг, как и некоторые другие вольфилы. Иванов-Разумник ставил вопрос перед "формалистами" о "ценностном" отношении к произведению. Он также называет формальный метод "материальным"³⁷. "Я думаю, — говорил Штейнберг на обсуждении доклада Виктора Шкловского "Герои Достоевского" 10 октября 1921, — что Достоевского жарить на формальном методе не годится", "Достоевский есть некоторый узел, из которого выдернуть одну ниточку и рассматривать под микроскопом, значит не понимать, откуда вы ее выдернули"³⁸.

Что касается "общей территории" Штейнберга и Бахтина — творчества Достоевского, то, мне представляется, Штейнберг глубже разработал собственно *философский* аспект этого творчества. Не случайно и сам доклад Штейнберга в Вольной философской ассоциации, на основе которого была написана его книга, назывался "Достоевский как философ". В "год великого перелома" Бахтин, как отмечалось, не имел возможности всесторонне рассматривать мировоззрение Достоевского³⁹.

Но художественное творчество не делится на философию без остатка. Поэтому Штейнберг, внося значительный, до сих пор еще не оцененный вклад в осмысление философии Дosto-

евского, дальше от понимания особенностей его *художественного* творчества, чем Бахтин. Когда Штейнберг пишет, что Достоевский "систематизирует все противоборствующие в современности мировоззрения, воплощая их в жизнь, превращая идеи в действующие монады и проследив судьбу каждой из них в последней ее конкретизации" (ССД, 35), он, на мой взгляд, не учитывает специфику художественного творчества. Вряд ли правильно представлять процесс художественного творчества в соответствии платоновским учением о воплощении идей в явления действительности. Правда, сам Достоевский на собственном опыте в писателе-романисте различал "поэта", создающего идеи, и "художника", воплощающего идеи в картинах и образах, в конкретных словесных конструкциях⁴⁰. Его эстетико-художественный идеал — синтез "художественной и поэтической идеи"⁴¹. Идеи, недо воплощенные в образы, он сам считал нарушением художественности. Процесс художественного творчества не является всецело рациональным. Художник, конечно, стремится воплотить свои идеи в образно-чувственную ткань искусства. Вместе с тем, образы искусства — не раскрашенные идеи.

Поэтому одно дело продуктивное сопоставление Штейнбергом диалектических диалогов Платона с художественно-диалектическими диалогами Достоевского, другое — трактовка художественных образов Достоевского по аналогии с платоновскими идеями, для которых жизненные явления не более, чем их тени. По-видимому, Бахтин и на этом основании не хотел видеть в диалогах Достоевского "диалог платоновского типа" и проявление гегелевского абсолютного духа: "Менее всего на почве монистического идеализма может расцвести множественность неслиянных сознаний. В этом смысле единый становящийся дух, даже как образ, органически чужд Достоевскому. Мир Достоевского глубоко плюралистичен" (ПТД, 29-30).

Можно оспорить в рассуждениях Бахтина отождествление понятий "монизм" и "монолог", ибо это понятия разных планов: "монизм" противостоит "плюрализму", а "монолог" — "диалогу". Но в том, что "мир Достоевского глубоко *плюралистичен*", притом, что это *полифонический плюрализм*, он, несомненно, прав. "Система свободы", которую Штейнберг талантливо обнаруживает у Достоевского, на мой взгляд, характеризует не столько его *художественный* мир, сколько мир философский. Штейнберг мастерски выявляет философский эквивалент художественного творчества, которое в целом не сводится к тому эквиваленту. Вместе с тем, утверждаемая Штейнбергом "симфоническая диалектика" целостного творчества Достоевского помогает глубже философски осмыслить его *полифонический плюрализм*.

³⁵ Философские взгляды А.З. Штейнберга подробно рассмотрены в статье автора этих строк "Об А.З. Штейнберге и его философских воззрениях", опубликованной в кн.: Штейнберг А. З. Философские сочинения. СПб.: Издательство: Мирь, 2011 г. С. 736-807.

³⁶ Подробнее о философских воззрениях Бахтина см. в кн.: Столович Л.Н. История русской философии. Очерки. М., 2005. С. 381-400.

³⁷ Белоус В.Г. ВОЛЬФИЛА. 1919-1924. Кн. 1. С. 835, 836.

³⁸ Там же. С. 614, 614-615. В своих воспоминаниях Штейнберг писал: "Не буду входить в подробности нашего спора, но, вопреки учению Шкловского и его школы, все мы полагали, что невозможно превращать литературное произведение в нечто независимое от исторической обстановки, периода творчества автора, его отношения как к современникам, так и предшественникам, его влияния на будущее развитие литературы. Изолировать художественное произведение от исторической обстановки и его автора - значит, отрывать все художественное творчество от истории, что должно, в конце концов, привести к искажению не только правильного понимания литературы, но и жизни" (Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911-1928). Париж: "Синтаксис", 1991. С. 91-92).

³⁹ А.Ф. Лосев, находясь в лагере, сделал такой упрек в адрес книги Бахтина о Достоевском: "Разве можно говорить и писать о Достоевском, исключив Христа!" (Анциферов Н. П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 385. А в разговоре с С. Г. Бочаровым, 9 июня 1970 г. Бахтин признавался, что "не мог говорить о главных вопросах", о вопросах "философских, о том, чем мучился Достоевский всю жизнь - существованием Божиим" (см.: Новое литературное обозрение, 1993. № 2. С. 71-72).

⁴⁰ См. его высказывания в письмах: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972-1990. Т. 29, ч. 1. С. 145, 208 и комментарий к ним на с.443.

⁴¹ Там же. С. 24.